

Папа идет обниматься,

или Как наладить жизнь за десять долларов

Труднее всего говорить о том, чего нет. Например, семейных традиций у нас с женой не было. Семья в которой я вырос, была родом из СССР. Ну а сам я женился аккурат в год его распада. Попробуй пронеси какую-нибудь традицию сквозь такой взрыв, когда не то что политика с экономикой, а вообще все представления о жизни разлетались у людей в мелкие дребезги.

Сладкая жизнь

Да и нечего мне было проносить, если честно. В том смысле, что меня растили мама и бабушка, папу своего я никогда не видел. А у нас с женой — трое мальчишек, один за другим. Ну и чего мне было им передавать из своего детства, такому вот — двумя женщинами воспитанному?

Короче, традиций у нас не было. Поэтому пришлось создавать их самим, с нуля. Помню, когда я только-только устроился работать, у нас с женой была такая развлекуха — с каждой полочки я покупал ей шоколадку. Сейчас это смешно вспоминать, но на большее полочки не хватало: шел 1992 год, средний заработок бюджетника, к примеру, был около десяти долларов в месяц. И вот в день зарплаты я приезжал со своей стройки и покупал жене какой-нибудь импортный шоколадный батончик (тогда они только-только стали появляться на прилавках). Мы брали нашего первенца — Антошку, укладывали в коляску и отправлялись гулять. На прогулке я торжественно вытаскивал из кармана очередной «Сникерс». А жена хохотала, глядя, как я уже в который раз пытаюсь разорвать непривычную для советского человека упаковку. Можно ли это назвать традицией? Не берусь сказать. Но в ту пору мы об этом и не задумывались. Просто я знал, что раз в месяц у меня будет возможность порадовать жену таким незатейливым подарочком. И она знала. И оба мы ждали этот день с нетерпением. Не из-за дурацкой шоколадки, конечно же. А ради маленького нашего праздника, про который никто кроме нас не знал.

Кит улыбается

Одна из городских традиций моего детства — рисунки на асфальте. По весне солнышко отогревало мостовые, с них сходил снег, и мы дружно кидались разрисовывать оттаявшие тротуары украденным в школе мелом. Это был особый вид творчества: за рисунки на стене дома или гаража взрослые могли устроить нахлобучку. А вот на асфальте разрешалось рисовать без всяких проблем: первый же дождь смывал все наши художества начисто. В этом был особый шарм — получить в свое распоряжение огромный кусок «взрослой» территории, причем, не где-то на задворках, а на виду у всех, прямо под ногами. Сюжеты рисунков были разные. Девчонки обычно сразу же разлиновывали себе традиционный набор квадратов для игры «в классики» (интересно, многие ли из сегодняшних ребят представляют себе — что это такое?) и украшали игровое поле какими-то хитрыми девчоночьими рюшечками и цветочками. У мальчишек сюжеты были разнообразней — солнце с разлапистыми лучами, воюющие советские и фашистские танки с крестами и звездами, острова, пальмы... Это был целый мир. Он лежал прямо под ногами у взрослых, но для них туда не было входа. Этот мир принадлежал только детям.

Мне очень хотелось, чтобы и наши ребята тоже рисовали на асфальте, но тут была одна неразрешимая проблема. В городке, куда мы переехали после рождения детей, асфальта просто не было. Перед нашим домом проходила широкая грунтовая дорога, по которой лишь изредка проезжал какой-нибудь грузовик или лошадь, запряженная в телегу на резиновом ходу. По обе стороны от дороги росла густая зеленая трава, в ней паслись соседские козы. Рисовать мелом было решительно не на чем. Однажды после грозы мы с мальчишками вышли на улицу прогуляться. Дождь прибил на дороге пыль, и теперь она стала похожа на полосу влажного песка у кромки моря. Я взял палку и нарисовал на земле смешного лося с огромными рогами и глазами навывкате. Мальчишкам лось понравился. Они тоже нашли какие-то щепочки и стали рисовать. У меня остался в памяти здоровенный кит в натуральную величину. Он важно расположился на всю ширину дороги, улыбался широкой китовой улыбкой, и, как положено всякому киту, пускал фонтанчик. Еще помню, что водитель проезжавшего по дороге автомобиля притормозил перед нашими рисунками и аккуратно объехал их по обочине. С тех пор после каждого дождя мы с мальчишками бежали на улицу рисовать китов, слонов и единорогов, пока не высох на дороге песок.

Аминь. И ура!!!

Потом один за другим у нас появились Никита с Глебом, а вскорости подросла и Лидочка. В результате получилось целых шесть дней рождения каждый год и столько же именин. Отмечали мы их, в общем-то, как и во всех других семьях — подарки, салатики, торт со свечками, которые виновник торжества должен был задуть. Всё как обычно. Но была в этих праздниках одна малюсенькая особенность, такая наша фирменная семейная штучка. Я даже помню, как она родилась, потому что сам ее и придумал. Когда дети уже немножко подросли, мы стали все вместе молиться перед праздничной трапезой. Жена читала «Отче наш», молитву перед едой, а потом мы все вместе пели «Многая лета» имениннику. И когда закончили этот свой маленький чин, вдруг возникла неловкая пауза. Дети мелкие совсем еще, застыли, как столбики, и смотрят на меня — мол, что делать дальше? И тут я, неожиданно для себя, вдруг закричал — «Ура!». И захопал в ладоши. И дети тоже захопали, и заорали свое детское ура. И жена. Потому что — праздник же! И только после этого все вскарабкались на свои стулья, поближе к маминым вкусняшкам. Так с тех пор и повелось у нас — после многолетия имениннику все дружно кричат «Ура!» и аплодируют. Правда, сейчас мальчишки выросли, и «Ура» получается у них в три крепких мужских глотки как боевой призыв в атаку. Но мне радостно видеть, что эта пустячная, вроде бы, традиция прижилась. Потому что каждый раз в этот момент мы вспоминаем те трудные годы, вспоминаем детство наших ребят. Да и сами они его вспоминают. Я вижу это по их глазам.

Детство повара

Книжки детям у нас читала жена. Каждый вечер, перед сном. Причем каждому — свою, по очереди. Я в это время обычно топил на ночь печку и под треск горящих поленьев слушал вместе с детьми, как злые гуси-лебеди украли братца Иванушку, как Винни-Пух с Пятачком охотились на слонopotам, как бельчонок отправился в опасное путешествие и едва не попал в лапы

к кунице. Под мерный голос жены я начинал задремывать, и мне казалось, что я тоже — маленький, что сейчас мама дочитает сказку и поведет меня спать. Правда, иногда эта идиллия взрывалась оглушительным хохотом. Так, однажды мальчишки пришли в бурный восторг от того, что принцесса в сказке была — писаная красавица. Жена попыталась им объяснить, что тут совсем другой смысл, но не выдержала, и сама расхохоталась. А маленькая Лидочка не понимала, почему все смеются, и сердито дула губы: ей хотелось дослушать сказку.

К каждому из ребят жена искала свой ключик, открывающий интерес к книгам. И это ей удавалось без особых усилий со всеми, кроме Никиты. Умненький, невероятно талантливый и веселый, он не воспринимал чтение вообще. Уже через минуту он начинал ёрзать, крутить головой по сторонам. Войти в созданный автором книги мир он не мог и просто ждал, когда же мама закончит это непонятное занятие. Жена сейчас уже и сама не вспомнит, сколько перебрала книжек, пока, наконец, Никиту не «зацепило». Это был сборник рассказов Носова. Никита с непри-

вычным для него вниманием слушал рассказ про Мишку с приятелем, пытавшихся сварить кашу, которая у них вылезла из кастрюли. Смеялся, переспрашивал что-то. А жене хотелось прыгать до потолка от радости. После школы Никита выучился на повара.

Мужики

Когда ребята начали подрастать, мы столкнулись с новой проблемой. Вместо милых смешливых мальчишек у нас в доме вдруг появились три взъерошенных мужичка. Еще маленьких, но уже упертых до крайности и ни разу не склонных уступать друг другу. Дома начались постоянные ссоры, рискующие перейти в банальный мордобой. Жена пыталась мирить и успокаивать мальчишек, но в результате лишь сама расстраивалась до слез. Поэтому разруливать эти пацанские ссоры приходилось мне. Вот тогда и появилась у нас еще одна традиция — обниматься. Дело в том, что опыта в решении таких конфликтов у меня не было никакого. И если ситуация оказывалась совсем уж тупиковой, все упорно бычили и никто не хотел друг друга даже выслушать, я прекращал уговоры и просто «включал альфа-самца». То есть давал понять нашим мужичкам, кто в доме старший. Иногда это бывало очень жестко. Мы расходились в разные стороны — пацаны в соплях и слезах, я — в ощущении полной своей педагогической несостоятельности. Подождав минут десять, я шел к одному из своих заплаканных мальчишек, обнимал его, и шептал на ухо: «Я тебя очень люблю. Прости меня, пожалуйста». И слышал в ответ, сквозь хлюпанье носом: «Пап, все нормально, ты тоже меня прости. Я и сам не знаю, что со мной». Так, прижавшись друг к другу мы сидели какое-то время. Потом я шел обниматься к другому участнику «разборки». Через пару лет этот подростковый кризис у них закончился, а привычка обниматься со мной осталась. Мы с удовольствием обнимаемся при каждом удобном случае, например, при расставании, или встрече. Даже если это просто — встреча на кухне утром. Теперь это уже действительно молодые мужчины, крепкие, с уверенной хваткой. И каждый раз, когда они меня обнимают своими мускулистыми лапами, я как будто слышу те самые слова, нашептанные когда-то на ухо: «Пап, я тебя тоже люблю».

Наверное, слишком громко было бы называть такие штуки — традициями. Мы всего лишь старались наполнять свою жизнь какими-то необязательными мелочами, без которых, наверное, вполне можно было бы и обойтись. Но все эти пустяковины странным образом помогали нам с женой и с детьми сильнее любить друг друга, раскрывать эту любовь, давать ей выход в нашу повседневную жизнь. Они до сих пор помогают нам чувствовать себя единым целым. И если смысл традиций не в этом, тогда я не понимаю, для чего они нужны людям вообще. **Ф.**

Александр Ткаченко
Иллюстрации Наталии Кондратовой

Уникальные
иконостасы
ручной работы

реклама

Мастерская церковного искусства А.Лавданского «Киновар»
+7 (495) 589-44-39 www.kinovar.com contact@kinovar.com